

— Когда и почему вы решили стать актером?
— Не помню. Мне кажется, я никогда ни о чем другом и не думал. Всегда хотел быть актером.
— Это в чем-то проявлялось?
— Наверное. Хотя стихи на елках я не читал, в школьной самодеятельности не участвовал.
— Сколько лет вы уже играете в театре?
— С пятидесяти пятого года.
— И никогда не разочаровывались в своем выборе?
— Пока нет. Надеюсь, и дальше так будет. Правда, актерская профессия вообще состоит в основном из разочарований. Но это не разочарование в выборе. Актер может ругать свое дело, ворчать перед спектаклем: «Надоело играть, лень гримироваться». Может прикидываться равнодушным, циничным. Но стоит только режиссеру передать в гримборную шум зрительного зала, совершенно особенный шум...
— Что вам кажется самым привлекательным в вашей профессии?
— Многое. В том числе и ощущение собственной необходимости. Зритель обращается к театру, чтобы получить какой-то ответ на свои вопросы, сомнения. И пусть он не получит ответа, но все равно придет снова и снова. Мне кажется, и глобальное стремление стать актером во многом зависит от этого, а не только от обольщения мнимой славы актерской жизнью, как принято считать.
— А сами вы ходите в театр просто как зритель?
— Это трудно. Все равно замечаешь чисто профессиональные вещи.
— Как вы узнаете, удалась вам роль или нет?
— Не знаю... А вообще-то, если говорить откровенно, в глубине души, очень глубоко, никто так точно этого не чувствует, как сам актер. Слова при этом он произносит любые, но в глубине все равно знает точно.
— Тогда актеру не нужны театральные критики? Не возникало ли у вас тайного желания, чтобы все они просто исчезли?
— Никогда в жизни. У меня жена окончила театроведческий. Конечно, бывает, напишут так, что только посмеешься, но если критик увидит именно то, что ты хотел выразить, значит, доходит. Потом еще очень существенный момент — фиксация того, что было. Если я получу серьезную роль со сценической историей, я обязательно пойду в библиотеку узнать, кто и как играл ее до меня.
— Считаете ли необходимым специальные исследования творческого процесса?
— Конечно. Хотя — дело сложное. Тут необходимы свои методы, особая, скрытая камера. Нашу проклятую, актерскую болезнь (а это болезнь, поверьте мне) по-настоящему никто не знает. Можно взять один случай, изучить. Но это будет только один случай. Замечательный армянский актер Ваграм Папазян перед выходом на сцену любил скулганить, отклеит кому-нибудь бороду, например. И это в «Короле Лире» или «Отелло». Нам такое поведение казалось почти кошунством. И мы спросили об этом Папазяна. А он сказал: «Я так настраиваюсь». Советую вам, понаблюдайте перед спектаклем, как актеры приходят в театр. Каждый — в своем состоянии, в зависимости от того, что будет сегодня играть, что с ним произошло днем и т. д. — целый комплекс. Иногда я возвращаюсь после спектакля и думаю: как это все-таки получается, ведь бывает, даже один человек стесняется, а тут — перед тысячей ведешь себя совершенно свободно...
— Но зрительный зал вы все равно ощущаете?
— Конечно. Он обязательно влияет на спектакль. Он может заставить нас быть тоньше, дорожить каждым нюансом, но может получить наоборот. А порой доходит и до прямого конфликта.
— Как вы работаете над ролью? Самостоятельно или вам постоянно необходим режиссер?
— «Или» тут лишнее. Часть работы, конечно, делаю сам, но совершенно самостоятельно я могу выучить разве что стихотворение. А роль — это звено в цепи всего спектакля. И режиссер определяет, где ее место в этой цепи. А устраиваться, обживать это место я уже буду сам.
— На что вы полагаетесь больше — на разум или интуицию?
— Трудно ответить однозначно. Сначала роль выстраивается логически, а потом приходишь на репетицию, и вдруг — какой-то шум в зрительном зале, какая-нибудь случайная деталь, неожиданное воспоминание, и внутри что-то екнуло, произошел интуитивный рывок. А потом, разумом, снова осмысливаешь, что же именно произошло, как это соотносится с ролью.
— Знакома ли вам творческая скупость? Если вы готовите роль в плохой песне, жалуете краски, которые на нее приходится тратить?
— Все жалею. Энергию, время. А краски — мне кажется, актер имеет право использовать найденное и в работе над другим, похожим образом.
— Но это же будет повторением!
— Когда вы слушаете музыку и узнаете композитора или писателя даже по отрывку из книги (Хемингуэя, допустим), вы же не говори-

те о повторении. А стоит вам узнать актера — конечно дело. Но актер тоже имеет собственную индивидуальность, свою тему. Ведь все равно, клеишь ты нос или нет, но если ты честен в искусстве, выходя на сцену, ты утверждаешь или возмущаешься от своего имени.
— Но должна быть все-таки грань между выражением индивидуальности и повторением?
— Я считаю, актер имеет право всю жизнь разрабатывать один человеческий тип.
— Как вы относитесь к работе над несколькими ролями одновременно?
— Мне лично это помогает. Если роли близки друг другу, то менее значительная служит как бы эскизом, на ней проверяешь, ищешь. Устаешь чисто физически. Но это поправимо, можно отоспаться.
— А все-таки, не считаете ли вы, что после большой роли актеру необходима творческая пауза?
— Конечно. После действительно серьезной работы знаешь, что происходит? Кажется, твой арсенал совершенно опустошен. Вся набранная информация исчезает. Когда я (это было еще в Ереване) сыграл Ричарда III и сразу получил другую роль, я хотел что-то сделать и просто не мог.
— А как накапливаются новые наблюдения?
— Это происходит настолько непонятным образом, неизвестно как и где, что трудно ответить точно. И вспоминаешь — тоже неожиданно. Что-то произошло чуть ли не сто лет назад, а в какой-то момент вдруг вспоминается. Почему?
— Есть ли роль, о которой вы мечтаете?
— Человек постоянно меняется. Вокруг него — жизнь, она тоже меняется. И потому меняются привязанности, через которые актер выражает себя. Сегодня я хочу играть другое, не то, что хотел вчера. И, наоборот, одну и ту же роль, например Ричарда III, можно сыграть по-разному в разные периоды жизни.
— Вот вы опять вспомнили Ричарда III. Очевидно, это серьезная привязанность?
— Очевидно. Шекспир ошеломляюще гениален. По-моему, в «Ричарде III» объяснены и предвидены многие глубинные процессы. От тех, что в свое время привели к появлению Гитлера, до самых будто бы незначительных, определяющих наши бытовые взаимоотношения. Когда выходишь в такой роли на сцену и произносишь текст, тебе жалко, что ты его произнес.
— Готовите ли что-нибудь вне плана, для эстрады хотя бы, как это сегодня делают многие?
— Нет. Я пока еще не «увидел» себя на эстраде.
— Как относитесь к спорту? Считаете ли, что он близок искусству?
— Спорт люблю. Естественно, я люблю и результат, как болельщик. Но главное — люблю смотреть на лица. Лыжник за миг до прыжка, хоккеист у бортки, уже готовый войти в игру. Человек в момент высшего нервного напряжения, но абсолютно свободный, ослабленный физически. Для актера — это пик мастерства, вечно искомое. И Станиславский, и Мейерхольд, каждый по-своему хотели добиться именно этого. Тут мгновение предельного обожания души.
— Какое из искусств, кроме театра и кино, вам близко?
— Живопись. Хотя сам птичку не мог бы нарисовать. И музыка.
— Занятие, которое вы предпочитаете в свободное время?
— Свободного-то времени как раз и нет. А потом не люблю отключаться, существую все время в своей профессии.
— Склонны ли путешествовать?
— Я слишком много «путешествую» во время съемок. Правда, Ваграм Папазян любил повторять, что ничто так не обогащает человека, как путешествия. Но он, наверное, имел в виду города, культуру, а не туристские костры.
— Есть ли среди ваших знакомых люди нетеатральных профессий?
— Это, наверное, свидетельствует об узости моего кругозора, но таких нет.
— Но интерес к незнакомым людям вы испытываете?
— Наверное, да. Хотя тут свои тонкости. Я езжу на работу в электричке. Общаюсь с окружающими, наблюдаю. Меня это обогащает. И в то же время уверен: мое воздействие на зрителя, с которым я курил в тамбуре, будет слабее. Театр — это таинство, и мы иногда напрасно разрушаем его, превращая некоторые встречи со зрителем в подобие зоопарка: дескать, посмотрите, вот актер на сцене, в фильме, а вот — он же, живой.
— Кто ваш любимый актер и почему?
— Габен. Я даже ревную, что он многим нравится, даже людям с разными вкусами. Но это понятно. Не просто хороший лицедей (таких пруд пруди), а актер своей темы — вот что в Габене особенно привлекает. Как и в Ульянове, Ефремове, если говорить о наших актерах.
— Если бы вдруг пришлось выбирать между театром и кино, что бы вы выбрали?
— Театр, конечно. Это, наверное, ясно из всего, что я тут наговорил.

Армен
ДЖИГАРХАНИЯ:

ВСЕГДА
ХОТЕЛ БЫТЬ АКТЕРОМ

Вела беседу Р. КРЕЧЕТОВА.